

Алексей КУДРЯШОВ

г. Сокол

Вологодской области

И пленник «Святой Анны» (очерк-расследование)

**Полярная экспедиция,
остатки которой нашел
Саня Григорьев
в романе Вениамина Каверина
«Два капитана»,
в реальности исчезла
бесследно, «потеряв» во льдах...
плотника из Вологды.
Романтическое путешествие
по северным морям,
начавшееся более ста лет назад,
стало роковым
не только для вологжанина,
но и для всей команды
шхуны «Святая Анна»:
из 24 человек
лишь двое вернулись живыми.**

Три капитана

В 1912 году сразу три русские экспедиции ушли в Арктику.

Выдающийся полярный исследователь Владимир Русанов, «застолбив» право России на часть угольных разработок острова Шпицберген, на обратном пути на шхуне «Геркулес» самовольно отправился вокруг северной оконечности Новой Земли в Карское море, намереваясь пробиться в Тихий океан. Неприспособленный «Геркулес» не выдержал натиска льдов. О судьбе путешественников мало что известно и по сию пору, хотя кое-какие их следы все же отыскивались...

Старший лейтенант Георгий Седов на шхуне «Святой великомученик Фока» попытался добраться до Северного полюса. Тщетно – шхуна вынуждена была повернуть обратно без Седова: отчаянный путешественник, уже больной, с двумя матросами отправился к полюсу пешком и вскоре умер, так и не достигнув своей мечты. Поскольку ушедшие с ним спутники вернулись

невредимыми и даже весьма упитанными, а указанная ими могила Седова оказалась пуста, над ними позже учинили следствие, заподозрив несчастных в том, что они попросту съели своего руководителя...

И, наконец, третью экспедицию по северным морям возглавил лейтенант Георгий Брусилов, специально для этого взявший на службе годовой отпуск. На шхуне, оборудованной для плавания в Арктике и названной «Святая Анна» в честь родственницы, ставшей главным спонсором предприятия, Брусилов вознамерился, как и Русанов, пройти Северным морским путем во Владивосток, промышляя охотой...

Писатель Вениамин Каверин, работая над романом «Два капитана», признавался, что характер своего Ивана Татаринова он списал с Георгия Седова, а злключения шхуны «Святая Мария» в точности повторяют дрейф Георгия Брусилова на попавшей в ледовый плен «Святой Анне». Более того: найденный Саней Григорьевым дневник штурмана Климова дословно совпадает с дневниковыми записями реального штурмана «Святой Анны» Валериана Альбанова, который, в отличие от книжного, выжил и в конце 1917 года даже выпустил брошюру «На юг, к Земле Франца-Иосифа», где подробно описал свои приключения. Но Каверин ни словом не обмолвился о других членах команды – он старательно вымарал их имена из текста дневников Альбанова.

Так и исчез из романа вологжанин Александр Архиреев, нанявшийся на шхуну «Святая Анна» плотничать.

Потерявшийся в сноске

О том, что член команды «Святой Анны» Александр Архиреев – плотник из Вологды, упомянуто лишь в одной сноске в самых последних изданиях дневников Валериана Альбанова. Стоит отметить, что сноски этой нет ни в первом издании дневников, ни в более академичном томике 1934 года под названием «Затерянные во льдах», где, в частности, опубликован текст выписки из судового журнала Георгия Брусилова, принесенной Валерианом Альбановым. Не было этой сноски и в поздних советских изданиях 1980-х годов, когда дневник штурмана после долгого пе-

рерыва был вновь напечатан. В иностранных переводах, кстати сказать, этой сноски тоже нет...

Многочисленные исследователи уделяют больше внимания другим членам экспедиции – самому Брусилову, штурману Альбанову, сестре милосердия Ерминии Жданко и матросу Конраду, второму выжившему. Вообще, информация о команде «Святой Анны» до сих пор более чем скудная: кроме имен-фамилий да сведений о вышеперечисленных, в архивах сохранились разве что прошения о материальной помощи жены архангельского помора Прохора Баева, тоже вошедшего в команду «Святой Анны». Супруга, между прочим, была не в курсе, на каком судне и с кем плывал муж; она писала, что он отправился вместе с Седовым...

...До последних дней июля 1912 года на белоснежную красавицу «Святую Анну», стоявшую на якоре на Неве в Петербурге, грузили снаряжение и провиант. Продовольствие, как отмечают историки, брали с расчетом на полтора года на 30 человек: пять сортов мяса, пять сортов масла, десять сортов муки и крупы, много консервированных фруктов и овощей... В газетах была организована широкая рекламная кампания – репортеров даже приглашали на борт.

Но перед самым выходом в плавание неожиданно возникли трудности с экипажем.

Команда

По первоначальному замыслу, Брусилов намеревался иметь две группы вахтенных офицеров, как на военно-морском флоте. Штурманами в экспедицию были приглашены Альбанов и Бауман. Первую вахту Брусилов собирался стоять сам, рассказывает в книге-исследовании «Загадка гибели «Святой Анны» (1981) Михаил Чванов, на вторую был приглашен его друг детства – лейтенант Андреев, который согласился на участие в экспедиции с условием, что станет пайщиком акционерного зверобойного товарищества. Но Анна Брусилова, являвшаяся полноправной владелицей судна, вдруг потребовала, чтобы мелкие акционеры вышли из дела, и Андреев к отходу шхуны из Петербурга просто не явился. Бауман же не смог отправиться в экспедицию по болезни. Зато были две пассажирки, которым реко-

мендовали морской воздух, – они собирались на шхуне «прогуляться» до последней остановки на Большой земле – городка Александровск-на-Мурмане (ныне город Полярный).

Как Александр Архиреев попал к Брусилову в плотники? Хотелось бы думать, что молодого, не обремененного семьей и не имевшего опыта морских путешествий вологжанина просто потянуло на приключения. Но, скорее всего, причина куда меркантильнее. Архиреев, по-видимому, приехал в Петербург на заработки, а тут такая вакансия: поскольку одной из задач экспедиции являлась охота на морского зверя, по условиям найма матросы, кроме основного жалованья от 10 до 30 руб. в месяц, получали каждый 0,5% с валовой выручки от промысла.

В общем, дело обещало быть прибыльным, само путешествие – легкой морской прогулкой (что такое плавание во льдах, представляли себе разве что Брусилов да Альбанов), а компания – молодой (самому старшему из команды, матросу Гавриилу Анисимову, было 54 года) и приятной.

28 июля (10 августа по новому стилю) 1912 года «Святая Анна» вышла из Петербурга. Огибая Скандинавию, она заходила в датские и норвежские порты для приобретения недостающего китобойного снаряжения и для экскурсий пассажирок-туристок. В Дании на борту судна побывала вдовствующая императрица Александра Федоровна, мать императора Николая II. А еще в одном из портов кто-то из матросов (сообщившая об этом в письме пассажирка Ерминия Жданко не называет имени) напился до такой степени, что свалился за борт, и Брусилову пришлось «выкупать» его из полиции (впрочем, в судовом журнале лейтенант не упомянул об инциденте). Уж не Архиреев ли это был?..

По приходе в Александровск-на-Мурмане с членами команды стали подписывать новые контракты с отказом от участия в прибылях, но не все матросы согласились на такие условия. На замену из-за нехватки времени пришлось брать первых встречных прямо в порту. Обновленная команда перед отплытием по традиции надралась до чертиков...

«Святая Анна» отправилась в свой последний путь вечером. В состав команды окончательно вошли 24 человека (причем лишь 7 из них были профессиональными моряками): Георгий Бру-

силов, штурман Валериан Альбанов, гарпунеры Вячеслав Шленский и Михаил Денисов, боцман Иван Потапов, старший рулевой Петр Максимов, матросы Александр Конрад (в прошлом печник), Густав Мельбард, Иоганн Параприц (эти двое – совсем молоденькие учащиеся мореходки), Евгений Шпаковский, Ольгерд Нильсен («талисман» шхуны; она меняла хозяев и названия, а он всегда оставался в ее экипаже), Иван Луняев, Прохор Баев, Иван Пономарев, Александр Шахмин, Павел Смиреников, Гавриил Анисимов, Александр Архиреев; машинисты Яков Фрейберг и Владимир Губанов, кочегар Максим Шабатура, повар Игнатий Калмыков, стюард Ян Регальд и... туристка Ерминия Жданко, пожелавшая исполнять обязанности не явившегося к отправлению врача.

Последняя, кстати, выдала каждому члену команды собственноручно подписанную тетрадь для ведения дневника. До нас дошел только один оригинал (вернее, отрывки из него) такого дневника, найденного в 2010 году экспедицией Олега Продана, пытавшегося отыскать следы брусиловцев на острове Земля Георга. Дневник принадлежал машинисту Владимиру Губанову. Существует еще дневник матроса Конрада, но в Музее Арктики и Антарктики хранится не оригинал, а надиктованная им дочери отредактированная копия. Дневника штурмана Альбанова тоже нет – есть только основанная на этих записях его брошюра...

Ледовое побоище

Из-за того, что «Святая Анна» слишком поздно отправилась в путь, Арктика встретила ее недружелюбно: в районе полуострова Ямал судно затерли льды. 28 октября 1912 года под сильным южным ветром оторвавшееся от берега ледяное поле начинает свой дрейф вместе с вмержшей в него шхуной. С этого момента вместо намеченного пути на восток шхуна неуклонно продвигается на север, превратившись для экипажа в дрейфующую тюрьму.

Во время зимовки чуть ли не все члены команды, включая капитана, переболели то ли цингой, то ли трихинеллезом (отведав непрожаренного мяса белого медведя). В связи с этим 18 февра-

Это современные карты места действия; у Альбанова же была лишь перерисованная картинка из найденной в корабельной библиотеке книги Ф.Нансена.

ля 1913 года в первый и последний раз в выписке из судового журнала встречаем упоминание о воложанине: «Здоровье плотника Архиреева внушает опасение: он все время жалуется на сильную головную боль, и у него побелели и вспухли десны. Ему дается отдельное питание». Впрочем, вскорости все, в том числе и наш земляк, пошли на поправку.

Пока капитан почти три месяца не вставал с постели, его обязанности выполнял штурман Альбанов. А когда Брусилов выздоровел, то попытался задвинуть Альбанова на второй план, от чего тот отвык. Начались свары между ними, да такие, что матросам приходилось оттаскивать их друг от друга. В конце концов Брусилов в сентябре 1913 года отстранил штурмана от должности, и тот оказался на судне на правах простого пассажира.

Между тем шхуна продолжала дрейфовать, началась вторая зимовка, часть переборок пришлось извести на дрова, и энтузиазм путешественников понемногу угасал. В начале января Альбанов, не в силах больше находиться рядом с Брусиловым, испрашивает у того разрешения пойти весной пешком по льдам на юг, к Земле Франца-Иосифа. Капитан не возражает, и штурман начинает готовиться к походу – мастерит самодельные сани-нарты и лодку-каyak.

Команда же разделилась: половина захотела отправиться со штурманом, не видя смысла в дальнейшем дрейфе. Брусилов заявил: «Идите хоть все!» Среди бунтарей оказался и Александр Архиреев, которому, как плотнику, мастерить из дерева сани было привычнее, чем нести матросские вахты.

10 апреля 1914 года Валериан Альбанов оставляет шхуну вместе с тринадцатью (чуть позже трое испугались трудностей и вернулись) членами команды, решившимися покинуть корабль, чтобы пешком достичь обитаемой земли.

Вологодский характер

Сразу стало понятно, что провиант, состоявший в основном из сухарей, был явно недостаточным для длительного ледового перехода, а полозья самопальных нарт – слишком узки для перемещения по глубокому снегу. Вес

нарты с каяком составлял 40-60 килограммов. Вес продовольствия и снаряжения, грузившегося на каждые нарты, достигал 120 килограммов. Нередко приходилось перетаскивать нарты по очереди, впрягаясь в одну вчетвером, а затем возвращаться за следующей. К тому же нарты часто ломались, и чинить их оставляли, разумеется, плотника – воложанина Архиреева. Кроме того, уже в начале перехода он зарекомендовал себя как неплохой охотник – подстрелил не одного тюленя.

3 мая в отряде Альбанова первая потеря: матрос Прохор Баев ушел на разведку более ровной дороги и не вернулся. Поиски, продолжавшиеся вплоть до 6 мая, результата не принесли: следы моряка обрывались у края свежей промоины...

Между тем начали показывать характер другие члены отряда. Так, 14 мая праздновали первые сто верст пути: сварили компот из черники и вишни, а к нему дали молока. Праздник испортил... правильно, воложанин Архиреев: матрос Конрад сообщает в своем дневнике, что наш плотник «оскорбил и обругал» штурмана, за что был наказан – простоял ночь на вахте.

Надо отметить, что это «выступление» Архиреева было не последним: судя по дневникам Конрада и Альбанова, он и потом чаще и громче всех предлагал бросить нарты и каяки и идти налегке...

29 июня больные и изможденные, потерявшие уже всякую надежду на спасение путники вышли на ледник Уорчестер, а оттуда – на южный берег мыса Мэри Хармсворт острова Земля Александры. Но силы были уже не те. Вот что пишет в своей брошюре Альбанов: «Упорнее всех не желает идти Архиреев. Он до того опустил за последнее время, что на мысе Мэри его нельзя было заставить сходить и принести плавнику для костра или воды для варева из ближайшего ручья. Только под угрозой, что он не получит обеда или ужина, он нехотя поднимался и, ворча, отправлялся делать что надо. Ни с одним из спутников он не говорит иначе как ругаясь и от всех огрызается».

Отсюда путь лежал через пролив Кембридж к следующему острову архипелага – Земле Георга. Спасение уже было совсем близко, если бы не одна существенная проблема: к этому времени сохранилось лишь два каяка. Отряд вынужденно

В. Альбанов

Г. Брусилов

А. Конрад. 1912 г.

«Святая Анна» на Неве. 1912 г.

Выписка
из судового
журналаКоманда
«Святой Анны»

разделился на две партии по пять человек, одна из которых с грузеными походным скарбом и нартами пошла на каяках по морю, а другая – на легке – на лыжах по льду. Берегом пошли Архирев, Регальд, Смиреников, Губанов и Луняев.

Воссоединились обе группы 1 июля на мысе Нилия острова Земля Георга. Альбанов, ушедший с каячной группой, достиг берега раньше. К удивлению штурмана, вместо пятерых человек из пешей группы к месту назначенной встречи пришло только четверо: Архиреева с ними не было.

Брошенный

О том, что произошло с плотником из Вологды, мы можем судить лишь по дневнику матроса Конрада и брошюре Альбанова. Но оба автора приводят свои версии, весьма отличающиеся друг от друга.

Предоставим слово штурману: «Прибывшие рассказали следующее. Со вчерашнего утра с Архиреевым началось что-то неладное. Он по минутно отставал, а иногда и совсем не желал идти, садясь или ложась на лед. Сначала ему не особенно доверяли, предполагая, что это одна из его проделок. Когда его поднимали и вели

силой, то некоторое время он шел, но потом опять ложился, говоря: «Хоть убейте, а не пойду с вами». На вопросы товарищей, что у него болит и почему он не хочет идти, он отвечал, что у него «болят глаза и легкие». Утром перед отправлением в путь у него не было заметно ничего особенного, кроме обычного нежелания идти... Appetit у него был, и он завтракал вместе с нами. Не придавали значения жалобам Архиреева на болезнь «глаз и легких» и спутники его, но потом пришлось поверить, что он действительно заболел. К вечеру у него совершенно отнялись ноги, как бы парализованные, и он лежал без движения, перестав даже отвечать на вопросы или бормоча что-то непонятное. Человек положительно умирал. Тащить его на лыжах было тяжело, и потому все решили остановиться на ночлег... Утром Архиреев еще подавал очень слабые признаки жизни, но ни двигаться, ни говорить не мог. Просидев около умирающего до 10 часов утра, спутники его пошли к мысу Ниль, так как опасались, что мы уйдем далее, не найдя и не дождавшись их...»

Архиреева оставили в 12 верстах от мыса. Далее Альбанов пишет: «Когда пришедшие поужинали и отдохнули, я отправил их обратно, сказав им, чтобы привезли Архиреева сюда, если он еще жив. Нельзя оставлять умирающего одного на льду, где, по их же словам, много медвежьих следов... Сначала меня очень поразило такое отношение к умирающему спутнику: они должны были привезти его и, конечно, могли это сделать. Но с другой стороны, если умирающий действительно находился в таком тяжелом и, по виду, в безнадежном положении, то он не выдержал бы этой дороги. Это, пожалуй, было бы только лишним мучением для него...»

Вернулись они ни с чем: по их словам, они нашли лишь труп Архиреева.

Между тем матрос Александр Конрад в своем дневнике описывает это событие несколько иначе: «Придя туда, где остался Архиреев, они его не нашли: лед, на котором он лежал, ветром оторвало от берега и унесло в море вместе с ним».

Как все было на самом деле, мы, вероятно, уже никогда не узнаем. Но факт остается фактом: брошенный всеми, 30 июня 1914 года окончил свой путь, возможно, первый вологжанин, побывавший на 82-й параллели...

Отряд не заметил потери бойца...

Александр Архиреев стал второй после Прохора Баева жертвой экспедиции, но далеко не последней.

Следующей точкой встречи двух групп, каячной и пешеходной, был назначен мыс Гранта на том же острове. Пешком по берегу пошли четверо, старшим был назначен Петр Максимов. Пять человек во главе с Альбановым на каяках прибыли в условленное место 3 июля, долго ждали пешеходов, но так никого и не дождались. О судьбе группы Максимова ничего не было известно почти столет – вплоть до 2010 года, когда экспедиция Олега Продана наткнулась на останки одного из них, как показала экспертиза – стюарда Яна Регальда. При нем были ложка и часы Павла Смиренникова, а неподалеку – остатки дневника Владимира Губанова. Как выяснилось, ледник, по которому должны были пройти несчастные, прорезали не преодолимые даже профессиональными альпинистами расселины...

Оставшиеся в живых продолжили путь. Вскоре умер давно недуживший старожил «Святой Анны» Ольгерд Нильсен. 7 июля последние четверо путешественников на двух каяках направились к конечной цели своего похода – мысу Флора на острове Нортбрук, но внезапно разыгравшийся шторм на глазах у Альбанова и Конрада унес в море каяк с матросами Луняевым и Шпаковским, к тому времени уже совершенно больными и не способными сопротивляться взбесившейся стихии...

Лишь 9 июля Альбанов и Конрад добрались-таки до мыса Флора, где в 1895–1897 годах находилась база экспедиции Фредерика Джексона, оставившего после себя постройки и склад продуктов. В таких условиях вполне можно было надеяться на еще одну благополучную зимовку, не боясь погибнуть голодной смертью или замерзнуть. Почти четыреста километров и три месяца тяжелейшего пути по льдам остались позади.

Но Альбанову с Конрадом и тут повезло – вскоре их подобрал возвращавшийся уже без Седова «Святой великомученик Фома». 16 августа они наконец увидели Большую землю...

Бороться и искать

А что же «Святая Анна»? Поискам пропавшей экспедиции помешала Первая мировая война. Ни царское, ни советское правительство не озаботилось этой проблемой. Для справки: на поиски пропавшей в 1845 году экспедиции Джона Франклина, собиравшейся открыть Северо-Западный проход из Атлантического океана в Тихий, было снаряжено более 50 (!) экспедиций...

Много позже советские историки выдвинули гипотезу, согласно которой шхуна освободилась-таки из ледового плена, вышла в Атлантический океан, не подозревая, что идет война (радио на борту не было), и... была потоплена германской подводной лодкой. Говорят, в одном немецком кабачке до сих пор висит на стене штурвал «Святой Анны»...

После возвращения штурман Альбанов встречался с родственниками Брусилова, подробно и охотно рассказывал о походе, выпустил брошюру. В отличие от него, матрос Александр Конрад наотрез отказывался говорить о путешествии. Зато они с Альбановым вернулись на флот и вместе походили еще по морям... Правда, в поисках остатков экспедиции принять участие почему-то не захотели. А в 1919 году Альбанов то ли умер от тифа, то ли стал случайной жертвой взрыва снарядов на полустанке, то ли переметнулся на службу к Колчаку и погиб там, в Сибири.

Александр Конрад пережил его на 20 лет – он

умер в 1940 году от плеврита. Но до конца своих дней не рассказывал даже близким о том, что ему довелось пережить. Из-за этих недомолвок пошли слухи, будто бы это все неправда, на самом деле Альбанов с Конрадом весь экипаж перестреляли и лишь поэтому спаслись...

Сейчас, когда всего за 330 тысяч рублей можно отправиться в круиз вокруг Земли Франца-Иосифа на комфортабельном ледоколе, например из Мурманска, многие состоятельные граждане (в основном, конечно, иностранцы) уже побывали в тех местах, где пробиралась по льдам, теряя людей, группа Альбанова. Но по-прежнему о судьбе экспедиции мало что известно. Хотя и говорят, что северные моря рано или поздно обязательно выбрасывают на берега архипелагов остатки погибших судов и экспедиций.

А значит, еще есть надежда, что современный Саня Григорьев, подобно каверинскому, когда-нибудь наткнется на дневник брошенного товарищами вологодского плотника.

Бороться и искать, найти и не сдаваться!..

Фото предоставлены автором

Алексей Анатольевич Кудряшов

родился в 1969 году

в городе Соколе Вологодской области.

Окончил факультет журналистики СПбГУ,

с тех пор работает в областной прессе.

В настоящее время — ответственный секретарь вологодской областной газеты «Премьер — новости за неделю».

Член Союза журналистов России.

В 2015 году в «Севере» опубликовал очерк-расследование в двух частях «Пароль — «Пелагея» и «Ее подлинное имя».

